

До: Адам Эволюционирует В Первый Раз , Часть 1.

Когда Адам проснулся, ему стало холодно. Но, в отличие от прежнего, этот холод исходил не изнутри него, а от чего-то рядом с ним. Открыв свои усталые, сухие глаза, Адам едва мог разглядеть застывшую фигуру убитой им Крысы. Если бы он был в здравом уме, то чувствовал бы себя хуже из-за того, что лишил ее жизни. Всю свою жизнь он был противником ненужного насилия и жестокости, насколько это вообще возможно для человека, полагая, что никто не вправе распоряжаться жизнями других, и все же... вот он здесь. Уставившись на безжизненное, испуганное существо, которое он убил.

Его эмоции казались такими же далекими, как Земля. Его тело казалось пустым. Слишком пусто, и все, о чем он мог думать, все, что он хотел сделать, - это заполнить эту пустоту. Его слабые конечности, те немногие, что остались, вытянулись, тонкая, как бумага, сухая кожа на них порвалась и обнажила мягкую плоть под ней. Он не знал, как это сделать, но, так или иначе, он поглотит эту штуку. Это было все, что он мог сделать. У него не было другого выбора, кроме этого.

Один из его кровотокающих, дрожащих, мягких маленьких дендритов приземлился на замерзшую поверхность Крысы, и в тот момент, когда он это сделал, он тоже застыл. Жгучее, ледяное горячее ощущение распространилось от придатка к основному телу Адама, где оно распространяло жгучий, резкий холод, с которым Адам едва мог справиться. Но он должен был продолжать. У него не было рта, чтобы жевать, глотать и кричать, все, что у него было, - это это бесполезное маленькое тело, но так или иначе, он справится.

Еще одно щупальце упало на форму туши, затем еще одно, и, наконец, все три оставшиеся руки и ноги Адама замерзли, прилипнув к мертвому существу перед ним. Адаму никогда так не хотелось кричать, как в этот самый момент. Стиснуть зубы, вгрызться в собственную плоть и подавить вздох... Все было бы лучше, чем это апатичное молчание.

Но он должен был сосредоточиться.

Неохотно он закрыл глаза и сосредоточил все свое существо на ощущении, исходящем от его щупалец, от мертвого существа, которое лежало перед ним. Боль была почти невыносимой. Если бы Адам попытался пошевелить своими конечностями, они бы наверняка оторвались, оставив его истекать кровью. Но под этой жгучей болью, холодным огнем, который обжигал и замораживал его одновременно, белизной, которая угрожала поглотить его, он мог чувствовать это. Маленькие струйки того, что раньше было внутри него. И, более того, он мог чувствовать более теплое, более теплое вещество, которое, должно быть, было тем, что когда-то было внутри Крысы.

Теплая, обычная Магия, какой бы она ни была, легко перетекла в Адама, и по пути она ослабила боль, позволив холодному огню раствориться в простой ледяной боли. Это было лучше, но все равно это была боль, намного превосходящая все, что он когда-либо испытывал. Медленно, медленно Магия вошла в него, теплая и ледяная, сливаясь, образуя легкую прохладу, с которой Адаму было не совсем комфортно.

Таким образом, оставалось разобраться только с телом Крысы. Было бы пустой тратой времени просто оставить его, и, как бы то ни было, ему не было никакой пользы от плоти или меха этого существа. Будь он чуть поумнее, он мог бы заточить кости, чтобы использовать их в качестве копий, но Адам не был умным человеком. Слизень. Вещь.

Но и съесть его он тоже не мог, так как у него не было рта. Однако, если он мог поглотить

Магию, возможно, физическое тело было не так уж далеко?... И так, следуя этой странной логике, он снова положил свои щупальца на труп и сосредоточился. Не осталось Магии, которую можно было бы поглотить, но если бы он просто... превратил тело в Магию?... Он чувствовал себя кем-то вроде ученого, воображающего, что могло бы или могло бы быть, неуверенного во всем, но достаточно любопытного, чтобы попробовать. Сначала он ничего не мог сделать. Тем временем Магия внутри него остыла до обычных минусовых температур, и его тело начало округляться, а щупальца уже регенерировали, как потерянные хвосты ящерицы.

И тут, наконец, у него появилась идея. Вероятно, он мог бы расплавить его, но ему понадобился бы катализатор. И так, проблема здесь заключалась в том, что ему каким-то образом нужно было высвободить чистую Магию в форме, которая окружала бы тело, чтобы он мог ее переварить. Но... как? Конечно, он мог высвободить свою Магию раньше, сосредоточив ее в дендрите, а затем наполнив Крысу своей холодной Магией, но здесь это не сработало бы. Ему нужно было, чтобы тело было окружено Магией, а не наполнено ею. Кроме того, замораживание его снова казалось не слишком хорошим решением.

Но сосредоточение его Магии на одном дендрите казалось хорошим местом для начала. Его переднее правое щупальце быстро наполнилось ледяной замораживающей Магией, и хотя это было довольно больно, это было начало. Магия вскоре сконцентрировалась и стала наполняться болью и силой. Теперь, чтобы выпустить эту Магию в мир... Возможно?...

Неуверенный, немного испуганный, но решительный, он медленно повел своим щупальцем по кругу, из него потекли слабые следы Магии, создавая то, что он считал своего рода порталом. Магический круг. А затем, в качестве последнего движения, он поместил свое щупальце в самую середину и позволил Магии вытекать наружу. И, что удивительно... она повиновалась ему. Подобно веревке и сети, она покрывала Крысу, и, используя эту Магию в качестве катализатора, Адам смог преобразовать тело в Магию, которую затем поглотил. Это было самое первое использование заклинания "Глотать".

Сила влилась в Адама, и впервые за многие годы он почувствовал надежду на будущее. Используя это, используя эту силу, эту вещь в своей душе, он мог выжить. Нет, он мог бы жить, и он мог бы процветать.

С новообретенной волей к жизни (которой лично мне еще предстоит обладать) Адам вылез из ямы, ничего не оставив после себя. Солнце было ослепительным, всеобъемлющим и вездесущим. И все же, по сравнению с ледящей болью, которую он испытал там, внизу, это было ничто. Это обожгло ему глаза, но ничто не заставило его передумать. В каком-то смысле ему повезло, что был день, а не ночь. Ночью он был бы уязвим, с его ярким телом и медленными движениями. Но при свете дня у него был шанс побороться.

Следующие дни были тяжелыми. В течение дня он рылся в земле, побеждая зверей меньше его, либо подавляя и душа их, либо произнося заклинания, которые он не совсем понимал, и замораживая их намертво. Таким образом, он постепенно становился сильнее и увереннее в себе. Он выучил себе два новых заклинания: Замораживание и Холодное Копье. Возможно, он мог бы дать способности "Крутое копьё" более подходящее название, которое было бы не таким детским, однако в нем все еще оставались какие-то остатки молодого, экстравертного подростка. Плюс, это действительно было классное копьё.

Ночами он прятался в норе, сосредоточившись на себе и на том, что было внутри него, на потоке его Магии, на том, как он мог ее использовать, на своей ситуации... он стал набожным в своей медитации. Но он не смог смириться со своей травмой. Конечно, он говорил себе каждую ночь, что если бы захотел, то, очевидно, мог бы победить этого огромного зеленого кота с

четырьмя руками за спиной! И все же... он был там. Цел, невредим, изолирован.

И так прошло десять лет.

Адам научился новым заклинаниям, научился лучше использовать свое тело и, в конце концов, стал достаточно сильным, чтобы больше не бояться ночи. В своем теле он хранил Магию десятков тысяч душ, и он стал убийцей зверей. Страх, который он испытывал при убийстве другого живого существа, полностью исчез, оставив его несколько опустошенным. Он убивал, потому что, если бы он этого не сделал, он мог бы закончить так же, как раньше: неспособный двигаться, ожидающий только смерти.

Он страшился такой участи.

И поэтому было вполне естественно, что он снова встретит эту пуму. На самом деле, он увидел это всего через 4 года или около того. Это был всего лишь мимолетный взгляд, но этого было достаточно, чтобы вновь всплыла травма стольких лет назад. К счастью, его не заставляли бороться с этим, но теперь...

<http://tl.rulate.ru/book/43655/1888270>